

На Саранской городской электростанции была самой низкой себестоимость электрической энергии. На 1 января 1928 г. она составляла 8,2 коп., продажная цена 1 кВт/часа равнялась 10,3 коп.⁴³⁶

Летом 1927 г. начались работы по реконструкции оборудования и электросетевого хозяйства Краснослободской городской коммунальной электростанции, мощность которой решено было довести до 88 кВт. На эти цели президиум Пензенского губисполкома выделил 32 790 руб., которые предполагалось освоить в течение 1927 – 1929 гг. Кроме того, губисполком обратился с просьбой в «Главэлектро» выделить на укрепление электроэнергетики г. Краснослободска 63,5 тыс. руб., что и было сделано позже.⁴³⁷

На 1 января 1929 г. общая мощность электростанций Мордовии равнялась 1,4 тыс. кВт, а годовое производство электроэнергии 2,1 млн. кВт/часов, что составляло 0,07% к общему производству электроэнергии по РСФСР.⁴³⁸

Таким образом, в начальный период индустриализации и реконструкции, на территории национальных районов Среднего Поволжья сооружались и реконструировались в основном тепловые электростанции, оборудованные на базе дизелей и локомотивов. 85% электроустановок работали на нефти и дровах. Использование же местных видов топлива (торф, сланцы), а также водных ресурсов находилось в начальной стадии и составляло примерно 5% от общего количества станций.⁴³⁹

Задача дальнейшей электрификации национальных районов Среднего Поволжья, как и всей страны заключалась в том, чтобы с развитием энергетической базы ускорить реконструкцию народного хозяйства, максимально укрепить связь промышленного производства с сельским хозяйством для ускорения механизации сельскохозяйственных процессов, а также повышения культурного и бытового уровня трудящихся. Это полностью соответствовало программе работ, намеченной Планом ГОЭЛРО.

Г.А. Кругликова
Екатеринбург

РАЗРУШЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ УРАЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.

Рубеж 1920 – 1930-х гг. в СССР оказался, пожалуй, самым трагичным временем для памятников истории и культуры. Вряд ли это было неожиданно: ведь уже в предшествующий период нигилистический натиск на церковную старину постепенно усиливался практически по всей территории Советской России. К концу 1920-х гг. уже не было ни одного российского города, не потерявшего свои первые ценные памятники.

Истоков этой трагедии нельзя понять, не вникнув в политическую атмосферу того времени. Изначальный атеизм коммунистической идеологии на исходе второго десятилетия Советской власти стал перерождаться в своеобразный, притом весьма зловещий, культ. Нужно отметить, что в конце 1920-х гг. сознание людей в значительной мере уже было подготовлено к восприятию официальной идеологии, подвергавшей осуждению всякое иное мировоззрение.

Несмотря на то, что в это время продолжалась работа по учету памятников истории и культуры, страну захлестнул поток нигилистических, погромных призывов. В масштабе всего государства бытовал и поддерживался взгляд на религию как на пережиток

⁴³⁶ ЦГА ПО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 59. Л. 26.

⁴³⁷ ЦГА ПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3954. Л. 12.

⁴³⁸ Мордовская АССР за годы Советской власти (в цифрах). Саранск: Мордов. кн. изд., 1967. – С. 70.

⁴³⁹ Подсчитано по документам фондов Государственного архива РФ, Российского государственного архива экономики, Централных государственных архивов и Центров документации новейшей истории республик Среднего Поволжья, а также по изданным публикациям.

прошлого, а это означало продолжение гонений на Церковь. Руководство страны, с одной стороны, публично демонстрировало свою терпимость в отношении религии и церкви, а, с другой – негласно организовывало общественность на борьбу с религией, облекая эти мероприятия в форму самопроизвольной инициативы масс. В 1925 – 1926 гг. в центральной прессе, в том числе в «Известиях ВЦИК» развернулась кампания, в ходе которой ставилась под сомнение необходимость сохранения памятников старины и их реставрации, раздавались требования сноса старинных построек как помехи уличному движению.⁴⁴⁰

Одним из проводников государственной антирелигиозной политики был Союз воинствующих безбожников (СВБ), созданный в 1925 г. Наряду с пропагандой атеистического мировоззрения путем устройства лекций, бесед, выпуски соответствующей литературы, подготовкой кадров агитаторов, участники СВБ принимали участие в общественно-политических кампаниях. Как правило, они были направлены на изъятие церковных ценностей, закрытие культовых учреждений и использование их под нужды различных организаций.

Указанные обстоятельства отрицательно сказались на отношении местных Советов к охране памятников истории культуры. Распоряжения губисполкомов об охране культурных ценностей, изданные по исполнению декрета от 7 января 1924 г., оставались на бумаге. Они не выделяли средств на работу по ремонту памятников; в нарушение закона расторгали договоры с общинами верующих на пользование храмами, состоявшими на государственном учете; не препятствовали уничтожению старинных церквей и усадеб.

Вопрос о закрытии церковных зданий решался на собрании голосованием граждан, как верующих, так и неверующих, как православных, так и людей других вероисповеданий. Понятен был исход такого голосования. На начальном этапе антирелигиозной пропаганды Уралоблисполкомом РКП(б) Свердловскому окружному предписывалось не торопиться с закрытием церквей, а уделять особе внимание разъяснительной работе с населением.⁴⁴¹

Тем не менее, власти целенаправленно и планомерно проводили политику по закрытию церковных зданий. Примером может служить выписка из протокола заседания фракции РКП(б) Свердловского Окружного Исполнительного комитета о закрытии Вознесенской церкви в Свердловске от 11 декабря 1925 г. Церкви инкриминировалось недобросовестное отношение к имуществу, а также факт публичного чествования Патриарха Тихона.⁴⁴² Этого оказалось для властей достаточно, чтобы принять решение о ее закрытии.

Нередко верующие направляли жалобы, вызванные закрытием храмов и их разрушением, изъятием колоколов, порчей церковного имущества новыми «хозяевами». Закрытый в 1921 г. храм Верхотурского мужского монастыря «после кратковременного использования под клуб военных пехотных курсов был в 1922 г. употреблен в качестве сыпного пункта, а в настоящее время совсем заброшен».⁴⁴³ 13 апреля 1924 г. состоялось закрытие храма бывшего женского монастыря, а 22 мая «храма в Октае (правильно в Актае – авт.), сданного по договору группе верующих в пользование, будто на том основании, что это не храм, а часовня».⁴⁴⁴ В этих случаях властям приходилось порой приостанавливать действия местных горисполкомов, райисполкомов в отношении

⁴⁴⁰ См.: Равикович Д.А. Охрана памятников истории культуры в РСФСР (1918-1967 гг.) /Труды НИИ музееведения. Вып.22. М., 1970. С.59-61.

⁴⁴¹ ГАСО. Ф.Р-170. Оп.1. Д.722. Л.58.

⁴⁴² ГАСО. Ф.Р-102. Оп.1. Д.119. Л.52.

⁴⁴³ ГАСО. Ф.Р-102. Оп.1. Д.335. Л.10.

⁴⁴⁴ Там же.

закрyтия памятников зодчества и снятия колоколов с целью их переплавки.⁴⁴⁵ Проблема в другом, выполнялись ли эти указания на местах.

Примечательна судьба памятника Екатерины II в небольшом уральском городе Ирбит. Отлитый в 1882 г. в Петербурге, он был единственным памятником зодчества на территории Ирбитского округа. Зав. городским музеем А.П.Соловьев предпринимал немалые усилия для сохранения скульптуры. В письме от 8 июня 1922 г. в Уральский отдел народного образования он сообщил, что при падении памятник немного разбился и Ирбитский горкомхоз, в ведении которого он находился, хочет отправить его на переплавку. Через некоторое время коммунальщики получили предложение «две части памятника, а именно голову и герб, передать музею, а остальные части, за неимением в настоящее время средств на перевозку, сохранить». 24 июля 1925 г. комиссия от Ирбитского общества краеведения составила заключение, что памятник Екатерине II сохранился на 90%, за исключением болтов, и гаск для сборки отдельных частей. Приблизительный вес имевшихся частей составлял 200 пудов.

На заявление общества краеведения с протестом против использования памятника для переплавки городские коммунальщики совместно с окружным финансовым отделом 5 августа 1925 г. составили акт, что «вылитый из бронзы памятник восстановлению не подлежит, так как некоторые части его разбиты и пригодны лишь для переплавки».⁴⁴⁶

А. Соловьев подписать этот акт отказался. Благодаря его энергии и настойчивости в здании музея уже находились голова от статуи, две руки, два герба и мелкие части памятника. Небольшое количество частей скульптуры находилось во дворе бывшей земской управы; остальная часть памятника хранилась при окружной транспортной конторе. В это время было принято решение о списании значительного количества имущества городского коммунального хозяйства «непригодного для употребления, но представляющего из себя ценность». К нему, вероятно, отнесли и детали из скульптуры памятника Екатерине II.

Ирбитский городской совет был озабочен сооружением памятника В.И.Ленину. В протоколе заседания его президиума от 2 сентября 1925 г. записано: «Принимая во внимание, что бронзовая статуя Екатерины II может послужить как материал для памятника т.Ленину, выйти в ходатайство перед Президиумом окружного исполнительного комитета о передаче статуи городскому Совету. При передаче в ведение городского Совета статуи предложить отделу местного хозяйства собрать все остальные части таковой на свои склады».⁴⁴⁷

Судьба исторической реликвии и творения выдающегося скульптора России М.О.Микешина была предreshена. И на то, что нарушались постановления правительства об охране памятников старины, местные власти не обращали внимания.

19 июля 1926 г. на заседании Президиума губернского городского совета обсуждался вопрос о реализации чугунных колонн и железных решеток с разбираемых корпусов гостиного двора. Было предложено взять с ними для переплавки и статую императрицы. Вскоре на пьедестал памятника Екатерине II вместо бронзовой императрицы была установлена гипсовая скульптура Ленина. Площадь Свободы (бывшая Екатерининская) сменила название на площадь им. Ленина.

Закрyтие культовых зданий и использование их под хозяйственные и культурные нужды продолжалось и в дальнейшем. Этот процесс особенно активизировался во время проведения антирелигиозного похода, как составной части культпохода, проходившего по всей стране в 1928 – 1930 гг. Основной удар был направлен против культовых зданий.

Основную работу в Челябинской области предполагалось сосредоточить к 25 декабря 1928 г., то есть в канун Рождества Христова. Так, в Златоустовском округе к

⁴⁴⁵ ГАСО. Ф.Р-88. Оп.1. Д.491. Л.104 об.

⁴⁴⁶ Цит. по: Герштейн Я.Л. Судьба памятника Екатерины II // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 1999. С.224.

⁴⁴⁷ Там же. С.224.

празднику «по просьбе трудящихся» был закрыт городской собор, а его здание передано окружному музею.⁴⁴⁸

Активно решались вопросы и об использовании закрытых церквей. Так, в Чусовском районе Пермской области райком партии обращал на это особое внимание, поскольку «неиспользование закрытых церквей и мечетей толкает церковников и их приспешников поднимать голову, они усиливают агитацию за открытие церквей...».⁴⁴⁹ В Златоустовском округе Челябинского области местные власти давали указания «о разборе колокольной для использования кирпича на нужды строительства Горкомхоза и Жилкооперации».⁴⁵⁰

Согласно докладной записке в Уралобком, в ходе антирелигиозного похода в 1929 г. в г.Свердловске была закрыта Лузинская церковь, в г.Перми – Богородицкая церковь стала использоваться под общежитие, в Тагильском округе закрыли Алапаевскую и Серебрянскую церкви, в Сара-пульском округе Черноярское сельское собрание постановило сдать церковь под школу и т.д.⁴⁵¹ По далеко неполным данным, за первую половину 1929 г. в стране было закрыто 423, а только за август – 103 культовых здания.⁴⁵²

На 31 мая 1929 г. в Уральской области оставалось: 170 церквей – в Пермском округе, 91 – в Златоустовском, 130 – в Тагильском, 161 – в Свердловском.⁴⁵³ Такое количество культовых зданий не могло устраивать Советскую власть, проводившую активную атеистическую политику.

С 1929 г. в стране началось организованное и планомерное уничтожение архитектурных и исторических памятников. Представители Наркомпроса, участвовавшие в решении судьбы церковных памятников, согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г.⁴⁵⁴ не могли ни отсрочить, ни наложить «вето» на их снос. Причем перестраивать или сносить следовало «немедленно после окончательного разрешения вопроса о закрытии церквей и производить их ... в кратчайший срок». Быстрота и массовый характер этих работ сводили на нет возможность достаточно полного изучения ликвидируемых церквей, предусмотренную постановлением Президиума ВЦИК от 19 ноября 1928 г. К тому же интересы научной фиксации памятников, извлечение и сохранение ценных архитектурных деталей являлись не строго обязательными, но лишь учитывались разрушителями.

II Всероссийский съезд безбожников (июнь 1929 г.) по сути узаконил тотальную войну против древней культуры. Центральные и местные газеты с гордостью писали о решениях властей, трудовых коллективов о закрытии, а нередко и разборке церквей и монастырей. Журнал «Просвещение на Урале» с восторгом сообщал, что «в районах сплошной коллективизации закрывают церкви, по всему Уралу выставили требования о передаче колоколов на дело индустриализации; безбожники собирают средства на тракторную безбожную колонну». А рабочие Перми, Мотовилихи, Лысьвы, Чусовой, Златоуста, Тагила, Свердловска и других городов провозгласили: «Колокола в плавку, довольно бубнить в них и баюкать нас звоном. Мы требуем, чтобы колокола не гудели и не мешали нам строить новую и счастливую жизнь».⁴⁵⁵ По всему Уралу прокатилась волна закрытия храмов и уничтожение церковной утвари и икон; колокола, серебряные и золотые кресты, оклады икон шли на переплавку.

Так, 16 февраля 1930 г. Уральский облизполком, учитывая заявление трудящихся, требовавших немедленно закрыть Екатерининскую церковь в г.Свердловске, не препятствовал этому. Тем более, что «расположение Екатерининской церкви находится по планировке города не на месте, что с проведением канализации, водопровода и

⁴⁴⁸ ОГАЧО. Ф.П-317. Оп.1. Д.781. Л.2.

⁴⁴⁹ ГАНИОПД ПО. Ф.2. Оп.6. Д.218. Л.142.

⁴⁵⁰ ОГАЧО. Ф.П-317. Оп.1. Д.781. Л.23.

⁴⁵¹ ГАНИОПД ПО. Ф.2. Оп.6. Д.220. Л.9 об, 10.

⁴⁵² Антирелигиозник. 1929. № 9. С.106-107; № 10. С.111.

⁴⁵³ ГАНИОПД ПО. Ф.2. Оп.6. Д.220. Л.13, 13 об, 15, 16.

⁴⁵⁴ ГАРФ. Ф.1235. Оп.43. Д.40. Л.4.

⁴⁵⁵ Просвещение на Урале. 1930. № 3-4. С.147-152.

трамвайных линий, будет препятствовать осуществлению этих мероприятий, ..., здание которой (церкви – авт.) использоваться на строительный материал».⁴⁵⁶ Чуть позже, было решено приступить к слому церкви и закончить его к 8 апреля 1930 г. «Приговор» был приведен в исполнение: храм взорвали.⁴⁵⁷

Показателен и документ заседания комиссии по закрытию церквей в г.Свердловске от 5 апреля 1930 г. Из 15 рассматриваемых объектов к слому были «приговорены» - 3, остальные же должны были быть приспособлены под библиотеку, клуб пионеров, санитарно-просветительную выставку, детские ясли, столовую и т.д.⁴⁵⁸

В итоге, за период с 1 октября 1929 г. по 10 февраля 1930 г. по г.Свердловску было закрыто 18 церквей. Из 14 неиспользованных в предстоящем строительном сезоне предполагалось переоборудовать под кино-клуб – 2, столовые – 2, лечебные заведения – 1, читальню – 1, общежитие – 5, ночлежный дом – 1, а остальные – на слом для использования на строительный материал, как непригодные по техническим соображениям.⁴⁵⁹

В итоге бесчисленное количество памятников архитектурного зодчества и произведений церковного искусства было безжалостно уничтожено в пылу антирелигиозного похода.

Примечательно, что сама Главнаука, занимавшаяся охраной памятников, обратилась летом 1929 г. ко всем музейным учреждениям со специальным методическим письмом, указав на «необходимость развертывания антирелигиозной работы в музеях».

Таким образом, к концу 1920-х гг. в сфере охраны историко-культурного наследия наблюдалось катастрофическое положение. Ежегодно возрастал объем вывозимых за границу культурных ценностей. В ходе атеистической пропаганды, антирелигиозного похода были закрыты, снесены, переоборудованы под хозяйственные нужды, иными словами, уничтожены тысячи церквей, часовен, монастырей, а также находившаяся в них церковная утварь. Во многих городах запретили колокольный звон, колокола повсюду снимались и переплавлялись на литейных заводах «в пользу» индустриализации.

По сути, деятельность центральных и местных отделов по охране памятников искусства и старины к началу 1930-х гг. была сведена на нет. Вместо ликвидированного в 1930 г. Музейного отдела Наркомпроса Постановлением ВЦИК 20 августа 1932 г. был создан Межведомственный комитет по охране памятников революции, искусства и культуры при Президиуме ВЦИК. Он был выведен из подчинения Наркомпросу.

Вторая половина 1920-х гг. соединила в себе противоречивые тенденции в деле охраны памятников. С одной стороны, удавалось контролировать их хозяйственное использование, а с другой – ни в малейшей степени не оправдалась ставка на местные Советы как ведущие органы в охране культурного наследия. К сожалению, эти негативные моменты в дальнейшем получили развитие. В конце 1920-х гг. фактически восторжествовал нигилистический, пролеткультовский подход к творениям прошлого. За ними не признавалось уже никакой духовной ценности для строителей социалистического общества. Так памятники многовековой истории и культуры народа превратились в источники поступления валютных средств и цветного металла, использовались в хозяйственно-бытовых целях без всякого учета времени их создания и историко-культурной ценности. Полная утрата понимания культурной значимости памятников воплотилась в ряде решений высших органов власти и управления РСФСР в конце 1920-х гг. и в практической деятельности местных Советов.

Фактический отказ от прежней политики в отношении памятников истории и культуры стал очевидным. Он не получил четкого выражения в каком-либо одном

⁴⁵⁶ ГАСО. Ф.Р-102. Оп.1. Д.520. Л.1.

⁴⁵⁷ Манькова И.Л. Храм в сердце и памяти (очерки истории екатеринбургского Екатерининского собора). Екатеринбург, 2000. С.96.

⁴⁵⁸ ГАСО. Ф.Р-102. Оп.2. Д.126. Л.124-124 об.

⁴⁵⁹ ГАСО. Ф.Р-575. Оп.1. Д.20. Л.36 об.

правовом акте. Никто не отменял и ранее изданных декретов и инструкций, составлявших законодательство об охране культурно-исторических ценностей. На практике же они игнорировались или откровенно нарушались, и в первую очередь, начиная от исполкомов до Президиума ВЦИК.

Ликвидация стройной системы государственных органов охраны памятников; уничтожение памятников зодчества, в том числе старинных церквей, составлявших большинство объектов учета; экспорт лучших музейных экспонатов – все это наиболее яркие проявления курса на растрату и уничтожение отечественного культурно-исторического наследия прошлого, проводимого в конце 1920-х гг.

В чем причина происшедшего? Очевидно, здесь сложно переплелись условия и обстоятельства первого десятилетия существования Советской власти, одно из которых – общая оценка наследия прошлого лишь как предыстория нового общества, как мира насилия, который следует разрушить до основания ... Немалую роль сыграло и нежелание лиц, решавших судьбу памятников, прислушаться к мнению специалистов. Сказывалось и то обстоятельство, что в борьбе с искоренением религии главный удар был направлен на уничтожение материальных носителей культа. Немаловажно и то, что в условиях переживаемых страной экономических трудностей был взят курс на придание сфере духовной жизни второстепенной роли по сравнению с материальным производством.

Знание и анализ опыта деятельности государственных и общественных органов охраны памятников необходимо для освоения и критического переосмысления как положительных достижений, а также для предупреждения повторений ошибок и просчетов того периода, приведших к невозможным утратам в историко-культурном наследии страны.

И.А. Лаврова
Екатеринбург

БОРЬБА С БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ НА ТРАНСПОРТЕ В 1930-Е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛА)

Оборотной стороной коренных социально-экономических преобразований в СССР в конце 1920-х – 1930-е гг. было резкое ухудшение материально-бытовых условий городского и сельского населения, различных социальных групп. Это послужило одной из причин резкого роста беспризорности детей и подростков, которые концентрировались в крупных городах и больших железнодорожных узлах.

Беспризорные несовершеннолетние в огромном количестве передвигались по железным дорогам и водным путём. С 1926 г. на железных дорогах страны, в том числе и на Урале, была развёрнута система заграждений, призванная задерживать беспризорных детей. Народный комиссариат путей сообщения СССР создал особый тип детского приёмно-распределительного пункта – вагон-приёмник на транспорте, целью их работы «принятие всех детей и подростков, оказавшихся в нездоровых социально-бытовых условиях для их нормального развития и воспитания. Во время их кратковременного содержания в учреждении, выявить их психофизические особенности, школьную подготовку, способность и направленность к тому или иному виду труда, и в соответствии с ним, передать их в стационарный приёмник или детский дом».⁴⁶⁰

«Положение о работе по борьбе с детской беспризорностью на транспорте» указало основные задачи по борьбе с беспризорностью несовершеннолетних на транспорте: полное прекращение их передвижения по железнодорожным и водным путям сообщения; организация на крупных и узловых пунктах вагон-приёмников; передача задержанных в органы народного образования и народного комиссариата труда.⁴⁶¹

⁴⁶⁰ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. р – 233. Оп. 1. Д. 1378. Л. 141.

⁴⁶¹ СУ. 1925. № 8 (введено постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 26 января 1925г.).